

УДК: 81.23

ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА И МУЛЬТИЛИНГВИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Фурсина.А.А¹

¹СКФУ-Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, Ставрополь, e-mail: afurrsina@mail.ru

В данной статье выделяются и описываются характерные особенности мультилингвизма и билингвизма и их роль в современном мире, а также факторы, способствующие росту многоязычия такие как возможность изучать несколько языков, многоязычные сообщества во многих странах, наличие нескольких государственных языков, быстрый рост международного сотрудничества и расширение контактов между странами. Проводится обзор исследований, посвященных проблеме влияния изучения нескольких языков на когнитивное и психолингвистическое развитие. Рассматриваются проблемы множественности языковых сообществ и интерпретации терминов, связанных с билингвизмом и мультилингвизмом. Опровергается взгляд на двуязычие и многоязычие как отклонение от нормы и их негативное влияние на речевое развитие. Проводится анализ существующей терминологии, связанной с двуязычием и многоязычием и проблем её интерпретации. Примеры индивидуального, социального или функционального мультилингвизма в мире подтверждают актуальность исследований многоязычия. Данное направление дополняется также рассмотрением диахронического подхода Аронина к усвоению языка и поведению, отношение к индивидуальному мультилингвизму. Также объясняются новые термины такие, как «трилингвизм» и «квадрилингвизм», которые используются в отношении точного количества задействованных языков.

Ключевые слова: билингвизм, мультилингвизм, усвоение языка, трилингвизм, квадрилингвизм

THE PROBLEMS OF BILINGUALISM AND MULTILINGUALISM IN THE CONTEMPORARY WORLD

Fursina.A¹

¹ NCFU – North-Caucasus Federal University, Russia, Stavropol, e-mail: afurrsina@mail.ru

This article highlights and describes the characteristic features of multilingualism and bilingualism and their role in the modern world, as well as factors contributing to the growth of multilingualism such as the ability to learn several languages, multilingual communities in many countries, the presence of several state languages, the rapid growth of international cooperation and the expansion of contacts between countries. A review of studies on the impact of the study of several languages on cognitive and psycholinguistic development is carried out. The problems of the plurality of language communities and the interpretation of terms related to bilingualism and multilingualism are considered. The view on bilingualism and multilingualism as a deviation from the norm and their negative impact on speech development is refuted. The analysis of the existing terminology related to bilingualism and multilingualism and the problems of its interpretation is carried out. Examples of individual, social, or functional multilingualism in the world confirm the relevance of multilingualism research. This direction is also complemented by the consideration of the diachronic approach of Aronin to language acquisition and

behavior, attitude to individual multilingualism. It also explains new terms such as “trilingualism” and “quadrilingualism,” which are used in relation to the exact number of languages involved.

Keywords: bilingualism, multilingualism, language acquisition, trilingualism, quadrilingualism

Сегодня общепризнанно, что большинство людей в мире говорят на нескольких языках. Общение на двух или более языках стало серьезной необходимостью для современного мира. Следовательно, многие люди изучают более двух языков. Можно назвать множество различных причин того, почему растет интерес к мультилингвизму как феномену, но наиболее убедительной из них является то, что люди потенциально являются полиглотами по своей природе, поскольку все мы «обладаем способностью изучать несколько языков» [22, стр.555]. Существует также множество прагматических причин, ответственных за мультилингвизм, начиная с многоязычной ситуации во многих странах и быстрого роста международного сотрудничества, а также расширения контактов между странами мира. Еще одна важная проблема – множественность языковых сообществ в таких странах, как Швейцария, Канада или Россия, где люди говорят более чем на двух языках. Наконец, развитие английского как мирового языка является еще одним важным фактором, способствующим росту изучения мультилингвизма.

Цель данной статьи – на основе научных публикаций охарактеризовать мультилингвизм как явление, отдельное от билингвизма, поскольку оно не только вызывает количественный сдвиг, но, прежде всего, приводит к существенному изменению качества в языковой системе или системах говорящего. Мультилингвы – это люди, которых нельзя приравнять к изучающим второй иностранный язык; они также не являются чистыми билингвами, поскольку все их языки взаимодействуют в процессе обучения.

Материалом для работы послужили научные публикации ведущих мировых специалистов в области билингвизма и мультилингвизма, опубликованные в открытой печати в электронной версии и доступные бесплатно в полнотекстовом варианте, базы данных (Google Search, The Typological Database System (TDS)). Были задействованы такие методы, как анализ, синтез, описание, сравнение, поиск и сбор данных.

Принято считать, что мультилингвизм больше не является отклонением, как считалось раньше на протяжении многих лет. Проще говоря, это крайняя необходимость для современного мира [10, стр.1]. Фактически, была выдвинута гипотеза о том, что индивидуальный мультилингвизм по меньшей мере столь же част в мировой популяции, как и чистый монолингвизм, возможно, даже более частый (см. Cook 1991; Auer and Wei 2007; Aronin and Singleton 2012). Согласно исследованиям Кука: «По некоторым подсчетам, в мире больше людей, таких как жители Камеруна (которые говорят на 4-5 языках), чем англичан; в мире насчитывается от 3000 до 5000 языков, но только около 150 стран подходят для них всех» [7, стр. 113].

В действительности, принимая во внимание статистические данные о распределении языков по странам мира, собранные в «Этнологе», самом полном справочнике, который содержит сведения о всех известных живых языках [21], тезис о том, что две трети детей в мире растут в многоязычной среде, кажется достаточно убедительным. Хотя невозможно предоставить точные доказательства, но многие ученые называют это мощным аргументом в поддержку актуальности многоязычных исследований (Cook 1992, Cenoz 2001, Cenoz et al. 2003). Кроме того, такие предположения привели к растущему числу мнений (см. Cook 1993; Herdina and Jessner 2002; Auer и Li Wei 2007), согласно которым лингвистические и психолингвистические исследования больше должны ориентироваться не на монолингвах, а принимать в качестве отправной точки мультилингвов для измерения дальнейшего языкового развития. Как комментирует Джесснер «в то время как ряд ученых, изучающих языковые навыки, все еще основывают свою работу на монолингвах, другие разработали более реалистичные точки зрения» [20, стр. 15].

Несомненно, мультилингвизм это не новое явление. Возвращаясь назад во времени, мы могли бы найти ряд примеров индивидуального, социального или функционального мультилингвизма в мире, а именно в Европе до 1800 года. В своих книгах об аспектах многоязычия в европейской истории Браунмюллер и Жизелла Феррареси демонстрируют, что использование языков, отличных от основного населения, отнюдь не было чем-то особенным для европейских средних и высших классов общества того времени. Одной из причин существования многоязычия было то, что «это было просто необходимым условием для овладения различными задачами в повседневной жизни» [4, стр. 3]. Только политическая история 19 и 20 веков и идеология «одно государство – одна нация – один язык» породили идею, что «монолингвизм всегда был стандартным или нормальным случаем в Европе» [4, стр. 2]. Как указывают Ауэр и Ли Вэй: «... разумно предположить, что роль исследований в области многоязычия в лингвистике еще несколько десятилетий назад была результатом одноязычного уклona (особенно) европейского мышления о языке, возникшего во время периода европейской истории, в которой национальные государства определяли себя отнюдь не одним (стандартным) языком, который был выбран в качестве символического выражения их единства [2, стр. 1].

Таким образом, в течение многих десятилетий упускалось из виду, что в любой форме или условиях подавляющее большинство населения Европы является многоязычным. Согласно диахроническому подходу Аронина к использованию языка и поведению, отношение к индивидуальному мультилингвизму с 19-го века прошло три исторических периода. Они могут быть обозначены как одноязычный (приблизительно до конца 1950-х годов), двуязычный (с 1960-х до конца 1980-х) и многоязычный (с 1990-х до настоящего времени).

Предлагаемое диахроническое деление подразумевает, что «в эти периоды определенные языковые договоренности были социально значимы и представляли доминирующую тенденцию» [1, стр. 10]. Каждый из этих периодов также характеризуется преобладающим общественным отношением и интересом к явлениям и социальным реакциям, таким как всемирное распространение программ погружения и т. д.

Первоначально большинство ученых, занимающихся психологическим, когнитивным или лингвистическим развитием детей, фокусировались исключительно на одноязычных предметах, оставляя развитие двуязычных и многоязычных детей вне сферы их исследований. Одной из многочисленных причин, ответственных за это, является внушаемая вера в вездесущую распространенность монолингвизма, а еще одно утверждение, что билингвизм был разрушительным для развития детей. Почти сто лет назад Джесперсен [261] считал билингвизм бременем, вызывающим пагубные последствия и ответственным за задержку в развитии и снижение интеллекта. Общее предположение, что люди должны воспринимать одноязычное развитие как норму, преобладало в течение многих лет; однако в течение последних нескольких десятилетий двуязычные, а в последнее время многоязычные люди и сообщества получают все большее внимание лингвистов, прикладных лингвистов и психолингвистов во всем мире.

Интерес к феномену билингвизма и, в последнее время, многоязычия был вызван социально-политической необходимостью обучения тысяч иммигрантов в Европе и Соединенных Штатах Америки. Сначала считалось, что двуязычных детей-иммигрантов необходимо излечить от двуязычия как от их расстройства. Основной целью учителей и разработчиков учебных программ было устранение родного языка детей-иммигрантов. Несколько существенных исключений, которые следует отметить, обычно были связаны с тем, что лингвисты находятся в тесном контакте с двуязычными или многоязычными детьми и с родителями-лингвистами, говорящими на нескольких языках, которые стали свидетелями реальных когнитивных преимуществ, обусловленных многоязычием, поэтому не одобрили все усилия, направленные на устранение родных языков детей. Изменения начались в 1970-х годах. Во-первых, из-за отсутствия убедительных доказательств в поддержку иррациональной точки зрения, что билингвизм препятствует общему развитию детей. Во-вторых, из-за растущих доказательств обратного, исходящих от расширяющейся группы би- и мультилингвов.

Недавние исследования би- и мультилингвов доказывают, что изучение более чем одного языка в детстве не оказывает негативного влияния на овладение языком, а также нет никаких доказательств, подтверждающих, что, усвоение двух или более языков вызывает задержки или нарушения в речевом развитии. Более того, некоторые лингвисты даже полагают, что дети

рождаются готовыми к двуязычию [3], в то время как другие (утверждают, что билингвы созревают лингвистически и, возможно, также когнитивно, раньше, чем монолингвы, что дает им определенное преимущество перед их одноязычными ровесниками. Кроме того, считается, что изучение более чем одного языка развивает лингвистическую осведомленность, поддерживает передачу стратегий от родного языка (Я1) ко второму языку (Я2) и способствует развитию многоязычной компетенции [20].

Исследование того, как люди усваивают и используют несколько языков, всегда вызывало интерес [26]. Однако феномен мультилингвизма стал областью систематических исследований за последние два десятилетия. Согласно Аронину и Хуфайзен [1], консолидация работ по многоязычию произошла в конце 80-х и начале 90-х годов. Это было время, когда исследователи, работающие с разных теоретических точек зрения, пересматривали постоянные проблемы, связанные с усвоением и обработкой второго языка, используя как устные, так и письменные данные из многоязычного опыта.

Определение мультилингвизма остается спорным. Термины «билингвизм» и «мультилингвизм» часто используются как синонимы. Например, Майерс-Скоттон утверждает, что термин «двуязычный» относится к «лицам, говорящим на двух или более языках» [23, стр. 1]. Грожан считает, что «билингвизм – это регулярное использование двух (или более) языков, а билингвы – это те люди, которым необходимо использовать два (или более) языка в своей повседневной жизни» [13, стр. 51]. Кеноз и Генесее определяют многоязычие, как результат процесса освоения нескольких не родных языков [5].

Важно понимать, что, хотя термины билингвизм и мультилингвизм, как правило, используются взаимозаменяемо, оба явления далеко не идентичны. Более того, тот факт, что мультилингвизм тяжело поддается изучению, также не помогает выработать одно краткое определение. Во-первых, существует проблема разнообразия возможных языковых последовательностей и множественности социолингвистических обстоятельств, в которых потенциальные субъекты приобретают свои последующие языки. Во-вторых, существует возраст, в котором они начинают изучать свои языки. Наконец, существует ряд других социальных, индивидуальных и поведенческих факторов, которые создают такое разнообразие групп и подгрупп, что вряд ли любое исследование может гордиться непредвзятыми результатами.

Понятия второго (Я2) и третьего (Я3) языков также являются спорными, так как многие исследователи не различают учащихся Я2, Я3 и Яn, утверждая, что процессы, лежащие в основе изучения не родного языка, по сути одинаковы [9].

Усвоение второго языка и усвоение третьего языка имеют много общих черт. Однако последний является более сложным из-за нескольких факторов, таких как контекст освоения,

разнообразие возможных языковых последовательностей, расстояние между изучаемыми языками и социокультурный статус языков, участвующих в процессе обучения.

Важным вопросом актуальности в контексте определения терминологии, используемой применительно к мультилингвизму, является понятие билингвизма по определению, двуязычный человек знаком с двумя языками, тогда как многоязычный знает три или более. На практике, определения, используемые в литературе по этой теме, не придерживаются правила «количества языков». Как уже упоминалось, термины билингвизм/мультилингвизм и билингвы/мультилингвы часто используются в качестве синонимов. Очевидно, что многие предлагаемые определения билингвизма явно ограничиваются двумя языками. Тем не менее, предположение о том, что несколько языков могут быть включены в понятие билингвизма, уже было проиллюстрировано в ранних публикациях по истории мультилингвальных исследований, например, в работах Скуттнаб-Кангаса, которые позволили присутствовать более чем двум языкам у человека, которого она определила, как билингва [25]. По словам Оксаара, билингвизм был «способностью человека использовать здесь и сейчас два или более языков в качестве средства общения в большинстве ситуаций и при необходимости переключаться с одного языка на другой» [24, стр. 19]. Грожан также рассматривал билингвизм как «регулярное использование двух (или более) языков и билингвов как тех людей, которые нуждаются и используют два (или более) языка в своей повседневной жизни» [13, стр. 51], Майерс-Скоттон предположил, что термин «билингв» относится к лицам, говорящим на двух или более языках» [23, стр. 1], тогда как Кеноз и Генесее определили этот термин как окончательный результат процесса приобретения нескольких неместных языков [6]. Мы можем заключить, что в отношении количества используемых языков термин билингвизм имеет так много противоречивых определений и ассоциаций в популярном и академическом использовании, что, кажется, лучше всего избегать его по мере возможности» [8, стор.4]. По этой причине Джесснер [19, 20] рассматривает билингвизм с совершенно новой, можно сказать, «обратной» точки зрения и относится к феномену, как количественно определенному подтипу многоязычия «хотя и общего» [19, стр.84]. Следуя этой линии рассуждения, дополнительные термины, которые начали появляться недавно в литературе по многоязычию, были трилингвизм и квадрилингвизм. Вполне естественно, что они используются в отношении точного количества задействованных языков.

Понятия второго (Я2) и третьего языка (Я3) одинаково спорны как определения билингвизма и мультилингвизма. Во-первых, следует отметить, что Я2, Я3 или Я4 не обязательно равны языку номер два, три или четыре в порядке приобретения; с другой стороны, цифры указывают на уровень владения в соответствии с уравнением: чем выше число, тем менее опытным является говорящий [15, 16, 18]. Во-вторых, анализируя литературу по многоязычию,

становится очевидным, что многие исследователи по-прежнему одобряют двуязычный уклон и не проводят различий между усваиваемыми Я2, Я3 и Яп, утверждая, что процессы, лежащие в основе освоения не родного языка, по сути одинаковы [9]. Таким образом, языки, которые приобретаются после первого языка (или первых языков, в случае одновременного двуязычия), обычно называют вторыми языками, Я2 или Яп, тогда как все изучающие неродной язык часто обозначаются как учащиеся Я2. Такое расширение значения доказывает, что многие исследователи даже считают различие между Я2 и Я3 или Яп ненужным приобретением.

В результате проведённой работы было выявлено, что существует множество гипотез о проблеме билингвов и мультилингвов. Было выявлено, что изучение более чем одного языка в детстве не оказывает негативного влияния на овладение языком. Данная проблема имеет обширное поле для исследования. Данная проблема остаётся актуальной и на сегодняшний день, так как не изучена полностью, а количество мультилингвов с каждым годом увеличивается.

Список литературы

1. Aronin, L., and Hufeisen, B. *The Exploration of Multilingualism: Development of Research on L3, Multilingualism and Multiple Language Acquisition*. Amsterdam: John Benjamins. – 2009.
2. Auer, P., and Wei, L. *Handbook of Multilingualism and Multilingual Communication*. Berlin: Mouton de Gruyter. – 2007.
3. Baker, C. *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters. – 2006.
4. Braunmüller, K. and Ferraresi, F. *Aspects of Multilingualism in European Language History*. Amsterdam: John Benjamins. – 2003.
5. Cenoz, J., and Genesee, F. *The Organization of the Multilingual Lexicon* // J. Cenoz. B. Hufeisen and U. Jessner (Eds.). – 2003. – P. 103–116.
6. Cenoz, J., and Genesee, F. (Eds.). *Beyond Bilingualism. Multilingualism and Multilingual Education*. Clevedon: Multilingual Matters. – 1998.
7. Cook, V.J. *The poverty-of-the-stimulus argument and multi-competence* / V.J. Cook // *Second Language Research*. – 1991. – № 7/2. – P. 103–117.
8. Cook, V.J. (Ed.) *Portraits of the L2 user*. Clevedon. Multilingual Matters. – 2002.
9. De Angelis, G. *Third or Additional Language Acquisition*. Clevedon, UK: Multilingual Matters. – 2007.
10. Edwards, J. *Multilingualism*. London: Routledge. – 1994.
11. Edwards, J.R. *Multilingualism: Understanding Linguistic Diversity*. Continuum. – 2012.

12. Genesee, F. Portrait of the bilingual child, // V.J. Cook (Ed.), – 2002. – P. 167–197.
13. Grosjean, F. (1992). Another view of bilingualism // R.J. Harris (Ed.). *Cognitive Processing in Bilinguals*. Amsterdam: Elsevier Science Publishers, – P. 51–62.
14. Herdina, P., and Jessner, U. *A Dynamic Model of Multilingualism: Perspectives of Change in Psycholinguistics*. Clevedon: Multilingual Matters. – 2002.
15. Hufeisen, B. *Englisch als erste und Deutsch als zweite Fremdsprache*. Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag. – 1991.
16. Hufeisen, B. A brief introduction to the linguistic foundation. // B. Hufeisen and G. Neuner (Eds.). – 2004. – P. 7–13.
17. Hufeisen, B., and Aronin, L. On the genesis and development of L3 research, multilingualism and multiple language acquisition // Aronin and B. Hufeisen (Eds.). – 2009. – P. 1–11.
18. Hufeisen, B., and Neuner, G. *The Plurilingualism Project: Tertiary language learning – German after English*. Graz: European Centre for Modern Languages. – 2004.
19. Jessner, U. *Linguistic Awareness in Multilinguals: English as a Third Languages*. Edinburgh: Edinburgh University Press. – 2006.
20. Jessner, U. Teaching third languages: Findings, trends and challenges / U. Jessner // *Language Teaching*. – 2008. – № 41. – P. 15–56.
21. Lewis, M.P., Simons, G.F., and Fenning, C.D. *Ethnologue: Languages of the World*, Seventeenth edition. Dallas, Texas: SIL International. – 2014.
22. Mackey, W.F. The description of bilingualism // J.A. Fishman (Ed.). – 1968. – P. 554–584.
23. Myers-Scotton, C. *Contact Linguistics: Bilingual Encounters and Grammatical Outcomes*. Oxford University Press. – 2002.
24. Oksaar, E. Multilingualism and multiculturalism from the linguist's point of view // T. Husén and S. Opper (Eds.). – 1983. – P. 17–36.
25. Skuttnab-Kangas, T. *Bilingualism or Not*. Clevedon: Multilingual Matters. – 1984.
26. Weinreich, U. *Language in Contact: Findings and Problems*. New York: Linguistic Circle of New York. – 1953.